

Оглавление

Интерлюдия I. Большие надежды	5
Глава I. Фурия Харрингтон	22
Глава II. Клетка из золота	49
Глава III. Дуновенье свободы	68
Глава IV. Неожиданные обстоятельства	87
Интерлюдия II. Большие разочарования	106
Глава V. Тени прошлого	127
Глава VI. Точка невозврата	146
Глава VII. Решающая гонка	162
Глава VIII. Звенья одной цепи	188
Глава IX. Неожиданное столкновение	215
Интерлюдия III. Большие возможности	226
Эпилог. Приятные последствия	245
Благодарности	253
Плейлист	253

Интерлюдия I

Большие надежды

Лето 1808 года

Предместья Лондона, Англия

— **Т**ы сумасшедшая!
Она только рассмеялась в ответ, залиvisto, беззастенчиво, запрокинув голову и обнажив горло. Все в ней противоречило правилам приличия, даже смотреть на нее было стыдно: на некогда идеальную прическу, взлохмаченную порывистым ветром, измятый низ светлого платья, а хуже всего — на острые щиколотки и босые ступни, танцующие по драконьей спине.

Энн Харрингтон меньше всего сейчас соответствовала статусу леди, но, тем не менее, ею являлась. За острыми плечами стояли семья с богатой историей, громкое имя, приданое в пять тысяч фунтов и, конечно, дракон — последний, оставшийся после трагедии, о которой не принято было говорить. Тот самый дракон, с которым Энн обращалась, будто с домашней зверушкой.

— Так и будешь стоять и смотреть? — Она опустилась на спину зверя: юбка задралась и открыла взору не девичьи сильные ноги.

Малькольму потребовалась вся сила воли, чтобы поднять взгляд на протянутую ему ладонь. Если он хотел жениться на мисс Харрингтон, то обязан был принять приглашение — Энн и ее дракон были неотделимы. И оба отказывались понимать, как можно опасаться огромного огнедышащего хищника, способного одним укусом переломить твой хребет.

— Мал, ну же! — Требовательная девочка, его требова- тельная девочка.

Он отверг ее руку, но лишь для того, чтобы опустить ладонь на лестничную перекладину. Дракон заворчал, почувствовав лишний вес, и Малькольм поежился: со зверя стало бы прямо сейчас взмыть в небо, заставив незадачливого наездника болтаться между жизнью и смертью. Но только его — не Энн.

Она летала так, словно родилась верхом. Вот и сейчас, пока Малькольм надежно закреплялся в седле, чтобы не дай бог не встретиться с праотцами раньше времени, Энн восседала на драконе безо всякой страховки. Еще и предлагала Малькольму держаться за ее талию.

— Готов? — Она оглянулась через плечо и, заметив краем глаза кивок, похлопала по чешуе в основании драконьей шеи.

Зверь послушно поднялся, переступил с ноги на ногу, расправляя крылья. А затем оттолкнулся от земли так резко, что у Малькольма крик застрял в горле. Пожалуй, за это дракону следовало сказать спасибо — не хотелось бы так опозориться перед Энн.

Благо тяжелым был только взлет. Выл ветер, уши закладывало, из всех звуков вокруг оставался лишь невнятный гул да стук собственного сердца. В такие моменты у Малькольма вся жизнь пролетала перед глазами — еще одна причина не любить полеты на драконах. У него была

паршивая жизнь, бедная, полная изнурительного труда и пренебрежительных взглядов. В последние годы он изо всех сил пытался отречься от прошлого, и рядом с Энн это порой удавалось. Ее беззаботность распространялась на каждого, с кем она соприкасалась, — настоящее благоговение.

— Разве это не счастье?! — Малькольм скорее угадал, чем понял смысл ее крика, едва различимого за шумом ветра.

У него сжалось сердце, когда Энн раскинула руки в стороны. Глядя на это, Малькольм невольно стиснул ткань ее платья. Энн не обратила внимания — она отдавалась потоку так, словно в нем крылся таинственный смысл жизни.

Наконец дракон замедлился. Могло показаться, что он застыл в воздухе, но плывущие далеко внизу пейзажи подсказывали — это не так. Тем не менее на высоте стало спокойнее, тише. Пользуясь этим, Энн перекинула ногу через спину дракона, повернулась к Малькольму лицом и оказалась в компрометирующей близости.

От Энн пахло лавандовой водой, но к аромату, любимому многими девушками, примешивалось что-то еще. Забыв о том, где находится, Малькольм осторожно поднял руку, коснулся вьющейся прядки у ее виска, поднес к своему лицу. Вот оно: лаванда, а еще — кожаная сбруя, свежескошенная трава и тепло.

Повторяя движение Малькольма, Энн костяшками пальцев дотронулась до его щеки. Провела сверху вниз, от скула к подбородку, который затем мягко сжала, направляя, подсказывая. Ее тонкие губы на вкус были мягче и слаще, чем на вид, кожа оголившихся бедер — нежнее и бархатистее, глаза — темнее и глубже.

Энн прерывисто выдохнула Малькольму в рот, приподнимаясь, чтобы удобнее расположиться в его объятиях.

Губы его при этом скользнули ниже, вдоль линии челюсти, к сгибу шеи, от прикосновений к которой Энн особенно мледа. Он лизнул солоноватую кожу и с удовлетворением почувствовал, как ее пальцы сжались на его плечах.

В полетах на драконе Малькольм видел всего два плюса. Первый — решимость и отсутствие видимого страха возвышали его в глазах Энн. Второй — только здесь, на высоте в добрую сотню футов, они оба могли делать то, чего на самом деле хотели. Она могла быть кем-то большим, нежели дебютанткой, единственная ценность которой заключалась в статусе и проходящей красоте. Он мог прикасаться к ней так, как, он знал, никто и никогда не касался.

Она вздрогнула, когда он поцеловал самый край благодатно глубокого декольте. А может, дело было в его пальцах, задрывших юбку, скользнувших по внутренней стороне бедра к самому средоточию жара, уничтожавшего все благоразумие на своем пути.

Малькольм поймал стон Энн поцелуем, проникая в нее — самую малость, лишь на фалангу пальца, но достаточно для того, чтобы разрушить всю ее счастливую аристократическую жизнь. Энн знала это, но продолжала цепляться за него, продолжала встречаться с ним, продолжала позволять ему больше, чем следовало. Иногда Малькольму казалось, что ею движет вовсе не влюбленность, а жажда риска, пугающая и возбуждающая до чертиков.

Он зарычал, прижимаясь губами к ее горлу и страдая от невозможности оставить на ней свой след. Ему хотелось кричать, что эта леди — невыразимо богатая, желанная, приковывающая взгляды всякий раз, когда пересекает порог комнаты, — принадлежит ему, самозванцу без роду и племени. Малькольм знал: однажды он это сделает.

Пока же он держал ее, теряющую контроль от оргазма, и не мог отвести взгляд. Энн кончала так же, как и смеялась: откровенно, самозабвенно, вновь запрокинув голову и глядя в безграничное небо. А потом неизменно обессиленно опускала голову Малькольму на плечо, позволяя лениво перебирать волоски на покрывшейся мурашками шее и щекоча кожу теплым дыханием. В такие моменты он начинал думать, что, возможно, только возможно, самую малость, но все же в нее влюблен.

Перед тем, как спуститься, Энн повернулась к Малькольму спиной и разгладила ладонями юбку — словно ее можно было спасти. Он поцеловал выступающий позвонок в основании ее шеи и отстранился на приличное расстояние. Она наклонилась, направляя дракона, и зверь сиганул вниз так, словно надеялся разбиться.

На земле необходимость притворяться возвращалась.

— Сохранишь это в тайне, малыш? — уже спрыгнув на траву, Энн прижалась щекой к теплой драконьей чешуе.

Малькольм не знал, слышал ли огромный зверь ее шепот, но ворчание его можно было принять за согласие. Улыбнувшись, Энн похлопала дракона по морде, благодаря, и отстранилась — с полным сожаления вздохом. Малькольм надеялся, что хотя бы часть этого сожаления распространялась и на него.

— Поможешь? — Энн протянула ему руку, прося поддержки.

Опершись о предплечье Малькольма, она поочередно сунула босые, желтоватые от пыли ступни в туфли, казавшиеся теперь неправильно тесными. Еще один жест, который отрезал их обоих от мечты и возвращал в реальность, радовавшую куда меньше. Напоследок стиснув руку Малькольма, Энн отступила.

— Благодарю вас, мистер Робсон. — Она присела в коротком книксене.

— Всегда рад прийти на выручку, мисс Харрингтон. — Он вежливо поклонился.

Маски были надеты вновь. Энн оглянулась, подзывая компаньонку, тревожно ожидавшую на краю летного поля. Девушка, до того теребившая манжеты и нервно оглядывавшаяся по сторонам, поспешила к своей подопечной. Она не скрывала: для нее было большим облегчением видеть ту целой, невредимой, стоящей на ногах твердо и как можно дальше от любого мужчины.

— Мисс?

— Джинджер. — Энн улыбнулась ей так, как могла только она, — открыто, будто компаньонка была ей равней. — Не прикажешь ли снарядить карету? Думаю, нам пора домой: дядюшка и так достаточно поволновался.

— Конечно, мисс. — Однако Джинджер не спешила уходить, ее взгляд тревожно скользнул в сторону Малькольма. — Почему бы вам не подождать в здании? Становится прохладно.

На самом деле пекло, как на сковородке. Джинджер даже не пыталась скрывать, что беспокоится больше за репутацию, чем за здоровье подопечной. На Малькольма она всегда смотрела неодобрительно, едва ли не с вызовом — словно чувствовала, что по крови он ближе к ней, чем к неприкосновенной Энн Харрингтон.

— Если тебе так будет спокойнее.

— Будет, мисс. — Наконец, Джинджер потупила взор.

— Тогда пойдём. — Энн развернулась на острых пятках. — Проводите нас, мистер Робсон?

Вопрос был риторическим: она говорила, а ловкие пальцы уже подцепили его под локоть. Джинджер оставалось только поджать губы и ускориться, позволяя Малькольму любо-

ваться ее раздраженно прямой спиной. Да, в отличие от нее, он сумел проложить себе путь к довольству и комфорту.

— Кажется, я не нравлюсь твоей компаньонке. — Он наклонился чуть ближе, наслаждаясь тем, как Энн заливаётся румянцем от ощущения его дыхания на щеке.

— Ей не нравится любой, к кому не питает симпатии мой дражайший дядюшка. Но я не сержусь: в конце концов, пособие ей платит он.

— Странно слышать, что ты оправдываешь чьи-то поступки деньгами.

— Я не оправдываю, но понимаю. Моя свобода и безопасность тоже полностью зависят от его щедрости. За одним простым исключением: меня не так просто выставить за порог. Придется придумывать объяснения, которые удовлетворят общество... — Она неопределенно взмахнула рукой, намекая: найдутся и прочие сложности. — Дядюшке не нужна подобная головная боль, и пока это так, у меня остается пространство для вольностей.

«Вроде тебя», — не произнесла Энн, но Малькольм услышал. Еще один вопрос, порой терзающий его разум: был ли он для нее лишь способом позлить родню или чем-то большим? И почему это его хоть изредка, но все-таки волновало?

— Ну вот, я тебя огорчила! — Ее пальцы сильнее сжались на его плече, возвращая в действительность.

— Нет, просто заставила задуматься. — Малькольм вновь посмотрел в спину Джинджер, от которой они уже прилично отстали. — Возможно, я был к твоей компаньонке слишком предвзят.

— Ты просто смотрел на нее, исходя из своего положения в обществе. Я давно заметила: если поставить себя на место другого человека, можно быстро проникнуться к нему если не симпатией, то пониманием.

— Так ты поступила и со мной?

Она покачала головой.

— Есть люди, на чье место я опасуюсь вставать.

Интуиция подсказывала Малькольму, что нужно свернуть разговор, перевести на тему более безобидную и приятную. Но любопытство — чувство сильнее благоразумия, в чем они оба уже не раз успели убедитьсяся.

— Почему?

Энн посмотрела на него. Для этого ей приходилось задирать подбородок: она была невысокой, особенно по сравнению с ним. Удивительно, как кто-то столь маленький умудрялся оставаться настолько... заметным.

— Вдруг увиденное мне не понравится?

Они остановились. Малькольм посмотрел в ее глаза, внимательные, изучающие, стремящиеся взглядом забраться ему под кожу.

— Например? — Он сам не знал, почему понизил голос. — Чего ты боишься?

Ее рука соскользнула с его локтя, пальцы вновь провели по щеке. Малькольму захотелось поймать их, прильнуть к теплой ладони, закрыть глаза.

Он ничего не сделал.

— Я боюсь, что ты ничем не отличаешься от других.

Малькольм все же поймал ее руку, прижался сухими губами.

— Обещаю, *этого* ты не увидишь.

— Спасибо. — Он не был уверен, за что именно Энн благодарит. — А теперь нам нужно идти, иначе на обратном пути Джинджер сведет меня с ума лекциями о том, как должна вести себя юная леди накануне дебюта.

Последнее слово она произнесла будто ругательство, мило сморщив хорошенький носик. Малькольм знал при-

чину: ее дядя рассчитывал, что в новом сезоне Энн, как и полагается, заключит союз с достойным молодым человеком, жизнь с которым, также как полагается, обернется для нее сущим кошмаром. Конечно, самого Малькольма к достойным не относили.

— Надеюсь, ты пропустишь ее слова мимо ушей.

— Безусловно. — Энн фыркнула: как будто она позволяла кому-то навязывать ей свои мысли.

Нет, ею было непросто управлять, как и всякой стихией. Находясь рядом с Энн, Малькольм всякий раз боялся обжечься — он знал, что произойдет, если она наконец-то разгадает его намерения. Достаточно сказать, что больно будет обоим.

— Надеюсь, однажды ты отринешь мнимые правила приличий и согласишься выйти за меня замуж.

Энн остановилась. На секунду Малькольму показалось: он совершил глупость. Поспешил в единственном вопросе, в котором следовало быть осторожным и деликатным, проявить мягкость, а не решительность.

Всю эту секунду Энн не двигалась, только пальцы сжались, подбирая ткань платья. Наконец она повернулась вполоборота и взглянула на Малькольма с жалящим подозрением.

— Ты сказал то, что думаешь?

«Похоже, что я шучу?» — хотел усмехнуться Малькольм, но сдержался. Он вдруг почувствовал себя так, словно сидел верхом на драконе без седла и страховки: одно неосторожное движение, и можно проститься если не с жизнью, то с будущим.

— Да.

Энн сама сейчас походила на зверя — не хищник, но лань, вскинувшая голову на звуки охоты. Выжидающая, настороженная, она понизила голос.